

Т.А. Сенюшкина

**Цивилизационная идентичность:
социокультурный феномен
или геополитический конструкт?**

Tatiana A. Senyushkina

**Civilizational identity:
a socio-cultural phenomenon
or a geopolitical construct?**

В статье раскрывается двойственная природа цивилизационной идентичности, которая проявляется в том, что она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества и, одновременно с этим, может выступать в качестве когнитивного конструкта, который применяется для достижения геополитических целей. Для обоснования этого положения автор последовательно решает задачи, которые соответствуют основным тематическим блокам исследования. В первом блоке рассматриваются вопросы теоретико-методологического характера, возникающие при исследовании взаимосвязи цивилизационных и геополитических процессов в междисциплинарном предметном поле. В качестве методологии используются теоретические положения цивилизационного подхода, критической геополитики и конструктивизма. Во втором блоке через призму ключевой идеи исследования рассматривается традиционная для российской культуры дихотомия «Восток – Запад». Автор приходит к выводу, что составные элементы парного понятия «Восток – Запад» весьма расплывчаты с точки зрения их точного описания, привязки к конкретным странам и народам и имеют исторически-временной характер. Кроме этого, дихотомия «Восток – Запад» имеет разное преломление в мировоззрении разных поколений, в зависимости от исторического опыта или «коллективной судьбы», согласно терминологии К. Манхейма. На примере античных цивилизационных процессов в Крыму сравнивается геополитический статус Херсонеса, который можно приписать к «Западу» в его эллинском смысле и Боспорского царства, где пересекаются два цивилизационных элемента – эллинский и иранский. Делается вывод о том, что Крым – это место встречи Востока и Запада, что можно применить и к России в целом, с точки зрения междисциплинарных взаимовлияний, которые формируют российский культурный код, готовый к периодической смене идентичности. Результаты исследования подтверждают гипотезу, сформулированную в начале

статьи. Делается вывод о том, что цивилизационная идентичность характеризуется дуальной природой – с одной стороны, она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества. С другой стороны, цивилизационная идентичность подвластна конструированию, что облегчает ее использование в качестве инструмента для достижения геополитических целей.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, геополитическое конструирование, критическая геополитика, конструктивизм, взаимосвязь геополитических и цивилизационных факторов, Восток-Запад, Крым.

The article reveals the dual nature of civilizational identity, which is manifested in the fact that it reflects the objective socio-cultural reality of the living space of the individual and society and, at the same time, can act as a cognitive construct which is used to achieve geopolitical goals. To substantiate this position, the author consistently solves problems that correspond to the main thematic blocks of the study. The first block deals with theoretical and methodological issues that arise in the study of the relationship between civilizational and geopolitical processes in an interdisciplinary subject field. The methodology uses the theoretical provisions of the civilizational approach, critical geopolitics and constructivism. In the second block, the traditional East – West dichotomy for Russian culture is considered through the prism of the key idea of the study. The author comes to the conclusion that the constituent elements of the paired concept of “East – West” are very vague in terms of their exact description, binding to specific countries and peoples and have a historically temporary character. In addition, the East – West dichotomy has a different refraction in the worldview of different generations, depending on historical experience or “collective fate”, according to the terminology of K. Manheim. Using the example of ancient civilizational processes in the Crimea, the geopolitical status of Chersonesos, which can be attributed to the “West” in its Hellenic sense, and the Bosporan Kingdom, where two civilizational elements – Hellenic and Iranian-intersect, is compared. It is concluded that Crimea is a meeting place of East and West, which can be applied to Russia as a whole, from the point of view of intercivilizational mutual influences that form the Russian cultural code, ready for periodic identity change. The results of the study confirm the hypothesis formulated at the beginning of the article. It is concluded that the civilizational identity is characterized by a dual nature – on the one hand, it reflects the objective socio-cultural reality of the living space of the individual and society. On the other hand, civilizational identity is subject to construction, which makes it easier to use it as a tool for achieving geopolitical goals.

Keywords: civilizational identity, geopolitical construction, critical geopolitics, constructivism, interrelation of geopolitical and civilizational factors, East-West, Crimea.

Введение

В условиях становления многополярного мира социокультурные и ценностно-мировоззренческие факторы приобретают приоритетное значение. Одновременно с этим культурно-символические ресурсы начинают играть ведущую роль в современных формах противостояний государств и их блоков в борьбе за контроль над стратегически важными территориями. По мере углубления противоречий социокультурного характера возрастает значение цивилизационной идентичности, которая постепенно находит свою собственную нишу в современных геополитических процессах.

Наряду с объективным ростом значимости социокультурных маркеров как для индивида, так и для общества в целом, новейшие геополитические конфликты, с которыми столкнулись страны постсоветского пространства, иллюстрируют инструментальный характер процесса цивилизационной идентификации. В решающей степени это связано с тем, что «цивилизационная тематика неизбежно приобретает политическую тональность, являясь важной составляющей политического дискурса» [9, с. 222].

Цивилизационная идентичность как один из структурирующих элементов общественной и социокультурной системы оказывается особо востребованным в переломные моменты истории. «Именно таким моментом можно считать период конца XX – начала XXI века. В решающей степени это связано с тем, что в это время на наших глазах осуществился переход от биполярного мира к однополярному. Сегодня, оценивая опыт этого перехода, можно утверждать, что вместе с разрушением биполярного мира мировая система стала менее устойчивой и более уязвимой» [15, с. 183].

Этот вывод подтверждается геополитическим анализом украинского кризиса, который особенно остро разразился осенью 2013 – весной 2014 года, а также событий, имевших место в Белоруссии летом 2020 года. В обоих случаях для достижения геополитических целей использовался широкий спектр информационно-психологических и когнитивных технологий, опирающихся на мощный арсенал культурно-символических ресурсов, одним из которых и является цивилизационная идентичность.

Исходя из сказанного выше, *целью данной статьи* является постановка проблемы о дуальной сущности цивилизационной идентичности, которая может проявляться в двух формах: с одной стороны, в качестве объективного социокультурного феномена, с другой – как когнитивный конструкт, который используется в качестве инструмента для достижения геополитических целей.

Взаимосвязь цивилизационной идентичности и геополитического конструирования как теоретическая проблема

Несмотря на явную актуальность темы, рассмотрение в одном проблемном блоке взаимосвязи цивилизационной идентичности и геополитического конструирования порождает ряд вопросов теоретико-методологического характера. Первый из них носит терминологический характер. Как отмечает В.Н. Шевченко, «определению цивилизации посвящается литература по объему «несравнимая с литературой ни по какой другой проблеме социально-гуманитарного знания» [19, с. 59]. Это утверждение вполне применимо, на наш взгляд, и к категории «идентичность». В свою очередь, понятие «цивилизационной идентичности» «наследует всю

неопределенность и содержательную противоречивость порождающих ее категорий «цивилизации» и «идентичности» [9, с. 223]. Схожая ситуация складывается и в терминологическом пространстве геополитики. Начало XXI века отмечено появлением многочисленных отечественных и зарубежных публикаций, посвященных анализу складывающейся геополитической ситуации в мире [4]. При этом, как и прежде, «геополитика характеризуется запредельной социоморфностью» [3, с. 41].

Несмотря на большое количество публикаций, а также на то, что современные авторы, принадлежащие к разным концептуальным направлениям, нередко противоречат друг другу, явную взаимосвязь цивилизационных и геополитических процессов можно проследить, начиная с трудов Н.Я. Данилевского. Трудно представить себе его фундаментальный труд «Россия и Европа» без теоретической рефлексии на эту тему. В этом же направлении рассуждал и А.С. Панарин, который объединил в своем исследовательском дискурсе поиск ответов на геополитические, цивилизационные, социокультурные и стратегические вызовы [11].

Одна из первых постсоветских версий взаимосвязи геополитической и цивилизационной проблематики была представлена В.Л. Цымбурским в его эссе «Остров Россия. Перспективы российской геополитики», в которой распад Советского Союза был представлен как отделение цивилизационной ниши России от территорий, которые пространственно соединяли ее с платформами других цивилизаций [18].

В современных исследованиях, объединяющих цивилизационную и геополитическую проблематику, отметим публикации З.А. Жаде, в которых выделяются уровни геополитического измерения современной политической реальности: геополитическое мироустройство (организация географического пространства и государственной власти), геополитическое мировидение (теоретические конструкты, геополитические теории и доктрины) и геополитическое мироощущение (геополитическое мировоззрение и мироориентация, основанная на формировании геополитической идентичности) [5]. Как видим, данный автор включает геополитическую идентичность в сферу мироощущения и не связывает ее с геополитическим конструированием.

Отметим также, что цивилизационные и геополитические вызовы, которые мы наблюдаем сегодня, типологически сходны с уже наблюдавшимися в истории. Это подтверждают публикации В. Алексеева, К. Зубкова, И. Побежниковой, которые отмечают, что наиболее типичными для имперского периода России были «цивилизационные, геополитические, технологические, социально-политические, культурно-мировоззренческие вызовы» [2, с. 620].

На концептуальном уровне одна из особенностей современного рассмотрения в одном предметном поле цивилизационной идентичности и геополитического конструирования заключается в том, что сегодня па-

раллельно задействуются методики геополитического анализа и концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. На это, в частности, обратил внимание А. Задохин [6, с. 41]. В целом соглашаясь с этим автором, отметим, что именно С. Хантингтон актуализировал цивилизационную проблематику в проблемном поле академических дискуссий в начале 1990-х годов. В 1993 году, всего лишь через 2 года после развала СССР, в журнале «Foreign Affairs» была опубликована его статья «Столкновение цивилизаций?». По словам редакторов журнала, эта статья за три года вызвала больший резонанс, чем любая другая, напечатанная ими с 1940-х годов. Сам С. Хантингтон объяснял популярность своей статьи тем, что «люди были в той или иной степени поражены, заинтригованы, возмущены, напуганы и сбиты с толку моим заявлением о том, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций. Видимо, ударило по нервам читателей всех континентов», – написал американский политолог в предисловии к своей книге под одноименным названием [17, с. 5]. Оценивая эти слова с позиций 2021 года, отметим, что, по сути, в своей статье, а затем и книге С. Хантингтон фактически предвосхитил, или, другими словами, заложил теоретический фундамент для разработки практических технологий информационно-психологического и когнитивного характера, которые сегодня широко используются в геополитическом противостоянии ведущих игроков мировой политики.

В современных формах цивилизационной идентификации особую роль играет религиозная принадлежность, которая связана с глубинными слоями как индивидуального, так и коллективного сознания, которые легко подвергаются манипулированию. После появления тезиса С. Хантингтона о том, что «глобальная политика начала выстраиваться вдоль культурных линий», манипулирование религиозными чувствами приобрело беспрецедентные масштабы. При этом «акторы (как внутренние, так и внешние), осуществляя манипулятивное воздействие на большие массы людей, открыто не артикулируют свои геополитические цели» [13, с. 41]. В качестве подтверждения сказанному можно привести пример современного внутривосточного раскола на Украине, и включение цивилизационной повестки в конфликт, который имеет явно выраженный геополитический характер.

Прежде, чем изложить наше собственное видение исследуемой проблемы, определимся с базовыми понятиями. В широком спектре современных интерпретаций понятия «цивилизация» нам импонирует подход В.Н. Шевченко, согласно которому «цивилизация есть деятельностный способ существования целостного социального организма, сложившейся исторической общности людей» [19, с. 71]. Это определение не противоречит концептуальному подходу Н.Я. Данилевского, который

изложил его в своем учении о культурно-исторических типах, не исключая теоретическую рефлексию на тему «цивилизаций» в современном понимании этого термина.

При таком терминологическом подходе цивилизационную идентичность можно рассматривать как наивысший уровень осознания человеком своей социальной принадлежности: «пытаясь ответить на вопрос «Кто я?», человек сопоставляет себя с другими людьми, близкими себе по культурному, религиозному, этническому, социальному, языковому признаку. Цивилизационная идентичность связана также с конкретным политическим пространством и социальным временем, общественным устройством, духовными традициями и коллективной памятью» [14, с. 505]. Добавим к этому, что сформулированное выше понимание идентичности не исключает ее инструментальной или конструктивистской интерпретаций, в рамках которых подчеркивается «важность социокультурного и исторического контекстов в формировании категорий идентичности и значимость дискурса как средства понимания, интерпретации и конструирования реальности» [9, с. 222].

Сказанное выше в полной мере касается и геополитического конструирования. Как отмечают Гладкий Ю.Н. и Писаренко С.В., «...любая “законченная” геополитическая идея, геополитическая теория, геополитическая концепция, геополитический проект, геополитическая модель – и есть геополитическая конструкция, под которой понимается созданный объект в геополитической картине мира» [4, с. 131]. В роли такого объекта могут выступать теоретические конструкты (новые идеи, концепции), а также прикладные элементы, изменяющие геополитическое пространство, в основе которого лежит мощь государства (геополитический потенциал). «Последняя, изменяясь, приводит в движение границы своего влияния. Соответственно, меняется расстановка сил на мировой арене, вследствие чего перестраивается геополитический код страны (региона), что, в свою очередь, побуждает к созданию новых конструкций» [Там же].

Жизнеспособные геополитические конструкты сопротивляются разрушению, длительно сохраняют свое влияние и адекватно реагируют на новейшие геополитические вызовы. Качество и результативность конструктов зависят от удачного определения набора параметров. В связи с этим Гладкий Ю.Н. и Писаренко С.В. классифицируют геополитические конструкты следующим образом: «1) по видам: мировоззренческие (представляющие определенным образом геополитическую картину мира) и стратегические (направленные как на увеличение мощи одной страны за счет другой, так и на пополнение своей силы за счет внутренних ресурсов). Они основываются на мониторинге геополитического потенциала государства, с тем чтобы определить его сильные и слабые стороны – внутренние (трансформация территориальной организации пространства внутри государства или регио-

на, пример: социально-экономическая концепция развития региона) и внешние (трансформация территориальной организации пространства вне государства или региона, пример – внешнеполитическая доктрина); 2) по форме реализации: комплексная (направлена на весь геополитический потенциал), частичная (направлена на несколько подсистем геополитического потенциала и их компоненты) и единичная (направлена на одну из подсистем геополитического потенциала или на ее компонент); 3) по масштабу: глобальная (хартленд), региональная и локальная» [4, с. 131–132].

В контексте нашей темы наибольший исследовательский интерес представляют когнитивные конструкты, формирующие геополитическую картину мира, которые одновременно являются и стратегическими, так как они направлены на пополнение своей собственной силы за счет использования культурно-символических ресурсов противоположной стороны при помощи мягкой силы или других технологий. В качестве подтверждения сказанного можно сослаться на публикации Дж. Тоала, в которых геополитическая культура представлена одним из факторов, влияющих на трансформацию некоторых геополитических представлений и образов в геополитическое мировидение [20, 21].

Дихотомия «Восток – Запад»: цивилизационное и геополитическое измерение

Для того, чтобы отразить на теоретическом уровне тему цивилизационной идентичности в ее геополитическом преломлении, обратимся к вечной для нашей культуры дихотомии «Восток-Запад». Вряд ли кто-то сегодня будет спорить с тем, что пространственные, равно как и культурно-символические различия между Востоком и Западом очевидны. Также явно обнаруживается присутствие в российском культурном пространстве элементов и Востока, и Запада. В целом это характерно и для других славянских народов, в частности, проживающих на территории Европы, особенно южных (балканских) славян. Не являются исключением и наши самые близкие в духовном и социокультурном смысле восточнославянские народы, которые еще в недалеком прошлом были объединены с нами единой политической системой – украинцы и белорусы. Если же говорить о современных формах экономического и политического развития, унифицирующем воздействии глобальной культуры, жизни в мегаполисах и виртуальном жизненном мире в условиях информационного общества, в котором мы все пребываем, различия между Востоком и Западом нам покажутся не столь очевидными. Кроме того, как отмечает А. Задохин, «составные элементы парного понятия «Запад-Восток» весьма расплывчаты с точки зрения их точного описания, привязки к конкретным странам и народам (которые

их могут представлять), кроме того, носят еще и исторически временной характер. Например, в понятие «Ближний Восток» до конца XIX века включались страны Балканского полуострова, находившиеся под управлением Оттоманской Порты. А если отождествлять Запад с Европой, то возникают еще вопросы по поводу однозначной принадлежности к европейской социокультурной системе целого ряда государств, в частности – тех же балканских стран или самой России. Таким образом, отмеченное предполагает наличие различных противоположных и синтезированных подходов к данной понятийной паре» [6, с. 36]. Добавим к этому, что дихотомия «Восток-Запад» будет иметь разное преломление для разных поколений, в зависимости от их совместно пережитого исторического опыта или «коллективной судьбы», согласно терминологии К. Манхейма [7].

Сказанное выше можно проиллюстрировать также и на примере античных цивилизационных процессов в Крыму. Так, история полуострова напоминает нам о Херсонесе, который можно приписать к «Западу» в его эллинском смысле. В это же время существует Пантикапей – яркий пример, где Запад и Восток не только встречаются, но и мирно сосуществуют в едином политическом, экономическом и социокультурном пространстве. Как свидетельствуют исторические и археологические исследования, включение в Боспорское царство народов, проживавших на азиатском берегу Боспора, привело к тому, что в состав обширного античного государства вошли не только эллины, но и многочисленные варварские народы – скифы, синды, меоты и др. В результате культурного взаимовлияния в эллинской культуре Пантикапея стали проступать варварские черты, несмотря на это (а может, и благодаря этому) к III веку Боспорское царство стало одним из наиболее влиятельных государств Северного Причерноморья. Размышляя об этих процессах культурного взаимодействия, М. Ростовцев сформулировал идею о «греко-иранской цивилизации», сложившейся, по его мнению, главным образом, в Крыму, к эпохе поздней античности: «две струи – греческая и скифо-сарматская, слились, пока ту и другую не залила волна германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее» [12, с. 78].

Имеет ли сказанное для нас, живущих в XXI веке, какое-то значение? Ответим на этот вопрос словами М. Ростовцева, которые были написаны выдающимся российским ученым более ста лет назад: «Мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, особенно тем прошлым, которое не кажется, на первый взгляд, связанным с нашими судьбами. А priori непонятно и не может быть понятно, какая может быть связь между эллинами и иранцами, жившими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой. Между тем эта связь, связь не этнографическая и не политическая, а культурная, связь преемственности, имеется и опре-

деляет собою культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией, в наиболее ранние эпохи существования этой части культурного мира. Для того чтобы иметь право поставить этот вопрос, имеющий огромное значение для нашей истории и для истории человечества вообще, надо, прежде всего, знать политические и культурные судьбы эллинизма и иранства, главнейших носителей древнейшей культуры на пространстве России» [12, с. 7].

Итак, на конкретном примере античной истории Таврики мы можем сделать вывод о том, что Крым – это место встречи Востока и Запада, прежде всего, в цивилизационном измерении этого вопроса. Аналогичный тезис правомерно применить и к России в целом, что подтверждается высказыванием А.С. Панарина, который считал, что «русская экзистенция – это напряженная межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности» [11, с. 113].

Рассуждая в этом направлении, отметим, что при осмыслении дихотомии «Восток-Запад» в ее современном российском преломлении возникает ряд вопросов, вокруг которых сегодня ведутся активные дискуссии. Очевидно, что сегодня «Запад» воспринимается прежде всего как геополитический конкурент России. В решающей степени это связано с тем, что Северо-Атлантический Альянс (НАТО) является главным военным противником России, что проявляется в пульсирующей напряженности военной дипломатии, с учетом активного и последовательного продвижения НАТО на Восток. Это подтверждает тезис А. Задохина о том, что «холодная война продолжается как на подсознательном уровне, так и в решениях и действиях политических и военных кругов» [6, с. 41]. При этом основные военные партнеры России находятся сегодня на Востоке – КНР, Индия, государства-члены ОДКБ, с которыми развивается также и экономическое сотрудничество.

Также можно говорить о ценностных конфликтах России с условным Западом, например, имея в виду традиционные ценности, которые закреплены теперь и в российской конституции. В новой Стратегии национальной безопасности вопрос о ценностях объединен с безопасностью страны [16]. Если же мы обратим внимание на экономическую сферу, то здесь всё оказывается не так однозначно. Приведем лишь несколько примеров: несмотря на санкции западных стран, состоялся проект под названием «Северный поток – 2», как часть магистрального газопровода между Россией и Германией, проходящего по дну Балтийского моря, который является морской частью одной из веток системы газопроводов «Ямал – Европа». Помимо Северного потока, в ветку входят газопровод «Грязовец – Выборг» в России и газопроводы OPAL и NEL в Германии.

Кроме этого, современные исследователи отмечают множество экономических и социальных вопросов, являющихся общими для России и Запада в условиях глобальной конкуренции и постиндустриальных сдвигов [8]. Банковский сектор РФ по-прежнему технологически привязан к системе финансового управления из США, а стабилизационный фонд, в который зачисляются огромные российские финансовые ресурсы, также находится за океаном. Продолжается вывод крупного капитала из России на Запад, сохраняется доступ западных собственников к получению прибыли от добычи российских энергетических ресурсов и т.д.

Анализируя сказанное, можно утверждать, что в целом характер перемещения России по оси «Восток-Запад» является нелинейным, его можно представить в виде маятника, у которого нет четко определенной траектории. Это подтверждается словами А.С. Панарина, который считал, что «В качестве страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия периодически сталкивается с необходимостью пересмотра своего цивилизационного статуса: она воспроизводит себя в истории посредством смены социокультурных ориентаций – поисков нового баланса между западными и восточными импульсами» [11, с. 113]. Развивая идеи А.С. Панарина применительно к анализу современной ситуации, добавим, что неустойчивость российского цивилизационного статуса объясняется диспропорцией в системе трех видов власти: духовной, экономической и политической, что более детально было раскрыто нами в докладе на XVIII Панаринских чтениях, приуроченных к 80-летию со дня рождения А.С. Панарина, состоявшихся в декабре 2020 года на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова [1, с. 278].

И в завершение нашей статьи приведем мнение В.Н. Расторгуева: «Для того, чтобы быть хорошим политиком, иногда надо быть выше самой политики, поскольку политика – не самоцель, а инструмент. Это касается, в первую очередь, потенциала цивилизационного подхода» [10, с. 173].

Заключение

Подводя итог сказанному, сформулируем основные выводы нашего исследования.

1. Цивилизационная идентичность характеризуется дуальной природой – с одной стороны, она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества. С другой стороны, цивилизационная идентичность подвластна конструированию, что облегчает ее использование в качестве инструмента для достижения геополитических целей.

2. При такой постановке вопроса возникает ряд проблем теоретико-методологического характера, которые мы попытались решить в данной статье при помощи использования концептуальных положений цивилизационного подхода, критической геополитики и конструктивизма. Выявление и использование эвристического потенциала других методов можно считать одним из наиболее перспективных направлений дальнейших исследований заявленной нами темы.
3. Так как цивилизационные конструкты, используемые в геополитических целях, связаны с новейшими когнитивными технологиями, возникает ряд вопросов этического характера, на которые еще предстоит найти ответы.

Сенюшкина Татьяна Александровна – доктор политических наук, заслуженный работник образования Республики Крым, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

295007, Россия, Симферополь, пр-т Академика В.И. Вернадского, д. 4.

Tatiana A. Senyushkina – Sc.D. in Political Sciences, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

295007, 4 Akademik V.I. Vernadsky Av., Simferopol, Russia.

tsenyushkina@yandex.ru

Список литературы

1. Глобальные угрозы и солидарность цивилизаций (аналитический обзор XVIII Панаринских чтений, декабрь 2020 г.) / К.Ю. Аласания [и др.] // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 268–289.
2. Алексеев В., Зубков К., Побережников И. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 3. P. 619–634.
3. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. 415 с.
4. Гладкий Ю.Н., Писаренко С.В. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» – основные понятия геополитики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 154. С. 129–137.
5. Жаде З.А. Геополитическая конструкция современного мироустройства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 340–348.
6. Задохин А. Запад и Восток в национальном сознании России: стереотипы и/или геополитика // Дипломатическая служба 2010. № 2. С. 36–41.
7. Манжейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 704 с.
8. Никитин Л.В. Найти свой путь в постиндустриальном мире: традиционные промышленные центры США и России в национальных банковских системах (1980–2010-е гг.) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. Вып. 3. С. 327–337.

9. Прозорова Ю.А. «Дискурсивный поворот» и конструктивистский подход к цивилизационной идентичности // Многоликая современность. Сборник к 60-летию В.В. Козловского. Социологический институт Российской академии наук. СПб.: Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ, 2014. С. 222–256.
10. Расторгуев В.Н. Воссоединение Крыма с Россией и новые модели политики цивилизационной реинтеграции // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XX-XVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 168–173.
11. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.В. Рябов; под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1994. 229 с.
12. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России / Вступ. ст., коммент. И примеч. А.В. Арсентьева. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.
13. Сенюшкин Е.А. Внутривосстановительные противоречия на Украине: через инструментализацию религии – к геополитизации конфликта // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 41–45.
14. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор воссоединения Крыма с Россией // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 504–510.
15. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. Материалы Всеросс. науч.-общ. конф., 6 июня 2014 г. / Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2014. С. 191–200.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/#1000> (дата обращения: 15.08.2021).
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 571 с.
18. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–53.
19. Шевченко В.Н. Цивилизация и общество как категории социальной философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 57–80.
20. Tuathail G., Toal G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Routledge, 1996. 314 p.
21. Toal G. Problematizing geopolitics: survey, statesmanship and strategy // Blackwell Publishing. Transactions of the institute of British Geographers. New Series. 1994. Vol. 19. № 3. P. 259–272.

References

1. Global'nye ugrozy i solidarnost' civilizacij (analiticheskij obzor XVIII Panarinskih chtenij, dekabr' 2020 g.) / K.Yu. Alasaniya [i dr.] // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2021. Т. 3. № 1. С. 268–289.
2. Alekseev V., Zubkov K., Poberezhnikov I. Bol'shie vyzovy v istorii imperskoj Rossii: civilizacionnoe i geopoliticheskoe izmerenie // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 3. P. 619–634.
3. Gadzhiev K.S. Vvedenie v geopolitiku. M.: Logos, 1998. 415 s.

4. Gladkij Yu.N., Pisarenko S.V. «Geopoliticheskaya konstrukciya» i «geopoliticheskij potencial» – osnovnye ponyatiya geopolitiki // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2013. № 154. S. 129–137.
5. Zhade Z.A. Geopoliticheskaya konstrukciya sovremennogo miroustrojstva // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2011. № 3. S. 340–348.
6. Zadohin A. Zapad i Vostok v nacional'nom soznanii Rossii: stereotipy i/ili geopolitika // *Diplomaticheskaya sluzhba* 2010. № 2. S. 36–41.
7. Manhejm K. *Izbrannoe. Diagnostika nashogo vremeni*. M.: Yurist", 1994. 704 s.
8. Nikitin L.V. Najti svoj put' v postindustrial'nom mire: tradicionnye promyshlennye centry SShA i Rossii v nacional'nyh bankovskih sistemah (1980–2010-e gg.) // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 1. Vyp. 3. S. 327–337.
9. Prozorova Yu.A. «Diskursivnyj povorot» i konstruktivistskij podhod k civilizacionnoj identichnosti // *Mnogolikaya sovremennost'*. Sbornik k 60-letiyu V.V. Kozlovskogo. Sociologicheskij institut Rossijskoj akademii nauk. SPb.: Mezhdunarodnyj Fond podderzhki sociogumanitarnyh issledovanij i obrazovatel'nyh programm, 2014. S. 222–256.
10. Rastorguev V.N. Vossoedinenie Kryma s Rossiej i novye modeli politiki civilizacionnoj reintegracii // *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya: Global'nye vyzovy i civilizacionnye otvety*. Sbornik nauchnyh trudov XXXVII Mezhdunarodnogo Harakskogo foruma 5–7 noyabrya 2020 g. V 2 t. T. 2 / Pod obshch. red. T.A. Senyushkinoj. Simferopol': IT «ARIAL», 2021. S. 168–173.
11. Rossiya: Opyt nacional'no-gosudarstvennoj ideologii / V.V. Il'in, A.S. Panarin, A.V. Ryabov; pod red. V.V. Il'ina. M.: Izd-vo MGU, 1994. 229 s.
12. Rostovcev M.I. Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii / *Vstup. st., komment. i primech.* A.V. Arsent'eva. M.: Knizhnaya nahodka, 2002. 160 s.
13. Senyushkin E.A. Vnutripravoslavnye protivorechiya na Ukraine: cherez instrumentalizaciyu religii – k geopolitizacii konflikta // *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie*. 2019. T. 8. № 1 (26). S. 41–45.
14. Senyushkina T.A. Civilizacionnaya identichnost' kak faktor vossoedineniya Kryma s Rossiej // *Prichernomor'e v kontekste rossijskoj civilizacii: istoriya, politika, kul'tura*. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Otv. red. A.V. Baranov, V.V. Kas'yanov. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2019. S. 504–510.
15. Senyushkina T.A. Civilizacionnaya identichnost' kak faktor krymskogo vybora // *Problema suverennosti sovremennoj Rossii*. Materialy Vseross. nauch.-obshch. konf., 6 iyunya 2014 g., Moskva [tekst + elektronnyj resurs] / Centr nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii. M.: Nauka i politika, 2014. S. 191–200.
16. *Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii*. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/#1000> (date of access: 15.08.2021).
17. Hantington S. *Stolknovenie civilizacij* / Samyuel' Hantington; per. s angl. T. Velimeeva. M.: AST: AST MOSKVA, 2007. 571 s.
18. Cymburskij V.L. *Ostrov Rossiya*. Perspektivy rossijskoj geopolitiki // *POLIS. Politicheskie issledovaniya*. 1993. № 5. S. 6–53.
19. Shevchenko V.N. *Civilizaciya i obshchestvo kak kategorii social'noj filosofii* // *Problemy civilizacionnogo razvitiya*. 2021. T. 3. № 1. S. 57–80.
20. Tuathail G., Toal G. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Routledge, 1996. 314 p.
21. Toal G. *Problematizing geopolitics: survey, statesmanship and strategy* // *Blackwell Publishing. Transactions of the institute of British Geographers. New Series*. 1994. Vol. 19. № 3. P. 259–272.